

НОО "ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА"

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА: ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

МОНОГРАФИЯ

Ахрамеева О.В., Бирюкова И.А., Кругликов А.П.

www.scipro.ru

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА

Национальная правовая система: теоретико-
методологические исследования

Монография

www.scipro.ru
Нижний Новгород, 2019

УДК 33
ББК 65
С83

Рецензент: Лабовская Ю.В. - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления и права. ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный аграрный университет»

Авторы:

Ахрамеева О.В., Бирюкова И.А., Кругликов А.П.

Национальная правовая система: теоретико-методологические исследования [Электронный ресурс]: монография. – Эл. изд. – Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf: 55 с.). - Нижний Новгород: НОО "Профессиональная наука", 2019. – Режим доступа: <http://scipro.ru/conf/monographlaw2.pdf>. Сист. требования: Adobe Reader; экран 10'.

ISBN 978-5-907072-72-5

Монография посвящена вопросам современного понимания таких понятий, как правовая культура правосознание, правовая система.

Материалы монографии будут полезны преподавателям, научным работникам, а также студентам, магистрантам и аспирантам.

При верстке электронной книги использованы материалы с ресурсов: Designed by Freepik, Canva.

ISBN 978-5-907072-72-5

9 785907 072725

© Авторский коллектив, 2019 г.

© Издательство НОО Профессиональная наука,
2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	5
Глава 1. О новом принципе уголовного судопроизводства	7
Глава 2. Эволюция правовой системы россии	17
<i>Заключение</i>	47
<i>Библиографический список</i>	48
<i>Сведения об авторах</i>	53

Введение

Современное общество переживает сложный этап своего развития. В мире осуществляется кардинальное преобразование экономической, социальной и политической сфер жизни, которое сопровождается реформой правовой системы, в том числе законодательства, правотворческих и правоохранительных органов, механизмов и форм реализации права.

Проблема правосознания и правовой культуры личности становится наиболее острой в периоды общественной трансформации, когда объективно происходит разрушение большинства институциональных и нормативных образцов, меняются цели, ценности, допустимые средства реализации социальных потребностей, в обществе устанавливаются новые правила правового взаимодействия, а роль индивидуального поведенческого выбора неизмеримо возрастает.

В условиях, когда нормативное поле не до конца сформировано, законодательный процесс противоречив, а правила социального, экономического и политического взаимодействия периодически «переустанавливаются» заново в юридическом порядке, правосознание и правовая культура личности становятся ключевым фактором для обеспечения порядка.

В первой главе «О новом принципе уголовного судопроизводства» Авторами рассматриваются отдельные аспекты сущности и значения принципов уголовного судопроизводства, их системы и правового закрепления. Обосновывается наличие в уголовном судопроизводстве принципа процессуального руководства прокурором уголовным преследованием от имени государства.

Прежде всего нужно отметить, что названия принципов и их система (каждый принцип – часть системы) зависят от понятия принципов уголовного процесса. Принципам уголовного процесса России всегда уделялось большое внимание в юридической литературе досоветского и советского периодов истории России, уделяется оно им и в настоящее время.

Например, в учебнике по уголовному процессу, автором которого являлся профессор С.В. Познышев, одна из глав называлась: «Основные принципы уголовного процесса»¹. Принципы уголовного процесса рассматривались в учебном пособии по русскому уголовному процессу, изданном

¹ См.: Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. С. 29-52.

приват-доцентом С.И. Викторским², они подробно освещались в учебнике русского уголовного процесса профессора В.К. Случевского³ и в другой литературе по уголовному процессу того времени. О принципах уголовного процесса писали и пишут многие современные авторы⁴.

Во второй главе автором рассматривается эволюционирование российской правовой системы с нескольких позиций: классическая периодизация, развитие через правовые функции и современные запросы в связи с преобладанием междисциплинарного подхода в правовом регулировании.

Авторский коллектив:

Кругликов А.П., Бирюкова И.А. (Глава 1. О новом принципе уголовного судопроизводства)

Ахрамеева О.В. (Глава 2. Эволюция правовой системы России)

---

² См.: Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1997. С. 11-58 (переиздание 1912 года).

³ См.: Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. Издание четвертое, исправленное и дополненное. СПб., 1913. С. 48-82.

⁴ См., например: И.Б. Михайловская. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. С. 119; Кругликов А.П., Дикарев И.С., Бирюкова И.А. Принципы уголовного процесса Российской Федерации: учеб пособие; под ред. проф. А.П. Кругликова. – Изд-во ВолГУ, 2007, - 194 с.; Ульянова Л.Т. Понятие принципа уголовного процессе // Курс уголовного процесса / Под ред. д. ю. н., проф. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2016. С. 261-262.

Глава 1. О новом принципе уголовного судопроизводства

Постоянное нахождение принципов уголовного процесса в центре внимания ученых-процессуалистов объясняется их значением для уголовного процесса. Это значение вытекает из сущности самого термина «принцип», происходящего от латинского слова «*principium*» и означающего «основное, исходное положение какой-либо теории, учения» и т.д.; руководящую идею, основное правило деятельности»⁵.

По нашему глубокому убеждению, в число «основных правил деятельности» в уголовном судопроизводстве входит руководство прокурором уголовным преследованием от имени государства. Рассматривая вопрос о *процессуальном руководстве прокурором уголовным преследованием от имени государства*, как принципе уголовного процесса, следует отметить, что указанный принцип, как и любой другой, должен быть закреплён в законе. По обоснованному мнению профессора Т.Н. Добровольской, разделяемому большинством ученых-процессуалистов,⁶ принципы уголовного процесса должны быть закреплены в соответствующих правовых нормах⁷.

Вместе с тем, в юридической литературе некоторыми авторами было высказано мнение о том, что принципы уголовного процесса не обязательно должны быть закреплены в нормах права. Сторонником данной точки зрения является профессор В.Т. Томин. По его мнению, «...Принципы вырабатываются наукой... Будучи выработанными, принципы становятся равно обязательными (или равно необязательными) как для рядового участника процесса, так и для законодателя»⁸. Позднее он писал, что регулятивная роль принципов уголовного процесса зависит не от того, что их формулировка записана (или не записана) в конкретном нормативном акте. Их воздействие на практическую деятельность в том, что проникшись идеями

⁵ См.: Словарь иностранных слов. 19-е изд., стер. М., 1990. С.409.

⁶ См., например: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса Том 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. Изд-во «Наука». М. 1968. С. 124; Божьев В.П. Конституционные принципы уголовного процесса // Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Спарк, 2002. С. 71; Бирюкова И.А. К вопросу о понятии принципов уголовного процесса // Современные проблемы уголовно-процессуального доказывания: Сборник научных статей. Волгоград. 2000. С. 163.

⁷ См.: Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики). М., 1971. С.11.

⁸ См.: Томин В.Т. О понятии принципов советского уголовного процесса // Труды высшей школы МООП РСФСР. Вып. 12. М., 1965. С. 193-195.

мировоззрения, законодатель руководствуется ими в правотворческой деятельности, а органы, ведущие уголовный процесс, в правоприменительной. Момент становления принципа не определяется только и исключительно в общем-то случайным обстоятельством – формулированием той или иной идеи в том или ином законодательном акте⁹.

По существу, такого же взгляда придерживается И.Ф. Демидов. По его мнению, своё регулирующее воздействие на правоприменительную практику могут оказывать и такие идеи-принципы, которые не закреплены в уголовно-процессуальном законе. Более того, считает он, процессуальные действия и отношения определяются идеями-принципами, которые не являются исключительно правовыми и специфическими для уголовного процесса (гуманизм, справедливость). Эти общесоциальные принципы либо совсем не закрепляются в тексте процессуальных законов в виде адекватных терминов и словесных формулировок, либо получают в них лишь частичное отражение. Он полагает, что точка зрения, согласно которой регулятивное значение имеют только те идеи, которые стали правовыми нормами, умаляют силу и значение идей, исключают возможность их прямого воздействия на процессуальную деятельность¹⁰.

Убедительной, на наш взгляд, критике позицию В.Т. Томина подвергла Т.Н. Добровольская. Неверно, по её мнению, считать, что принципы уголовного процесса становятся обязательными для участников процесса сразу же, как их выработала наука, и независимо от факта их правового закрепления. Обязательный характер, отмечает она, в правовом смысле этого слова (а только такой смысл термин «обязательный» может иметь применительно к участникам процесса – субъектам правоотношений) эти идеи приобретают лишь после их закрепления в качестве правовых норм¹¹.

Аналогично Т.Н. Добровольской высказался и В.М. Савицкий. Чтобы стать принципом, полагал он, главная идея (мысль, положение) непременно должна быть выражена, сформулирована в законе. Пока её в законе нет, пока идею предлагают в монографиях, обсуждают на научных конференциях и симпозиумах, она остаётся только идеей, может быть, блестящей,

⁹ См.: Тomin В.Т. О принципах советского уголовного процесса // Научные труды Омской высшей школы милиции МВД СССР. Вып. 7. Омск, 1970. С. 158-159.

¹⁰ См.: Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. С. 137.

¹¹ См.: Добровольская Т.Н. Указ. соч. С. 11.

высоконравственной, сверхважной, но, увы, лишь идеей, не имеющей права быть руководящей, обязательной для исполнения¹².

В каких же нормативных источниках содержатся принципы уголовного процесса, в том числе положения принципа *процессуального руководства прокурором уголовным преследованием от имени государства?* – В законах, определяющих порядок уголовного судопроизводства. Ст. 1 УПК РФ к ним относит УПК РФ, Конституцию РФ, а также общепризнанные принципы и нормы международного права, которые являются составной частью законодательства РФ, регулирующего уголовное судопроизводство.

В УПК РФ принципам посвящена глава вторая: «Принципы уголовного судопроизводства». Имеются нормы, относящиеся к сущности и содержанию отдельных принципов процесса и в других главах УПК РФ. Например, принцип гласности в значительной мере закреплен в ст. 241 УПК РФ «Гласность», входящей в главу об общих условиях судебного разбирательства, принцип публичности закреплен в ч. 2, ст. 21, в ст. 73, в ч. 1 ст. 144, в ст. 157 и в других статьях УПК РФ.

И здесь следует отметить, что при исследовании вопросов о законодательном закреплении принципов уголовного процесса и их системы важным является вопрос о *правовой форме закрепления* принципов. Нам представляется верной точка зрения профессора М.С. Строговича, согласно которой принципы уголовного процесса свое закрепление в законе получают двумя способами. *Некоторые принципы* прямо записаны в уголовно-процессуальном законодательстве в виде отдельных формулировок, например, принцип осуществления правосудия только судом (ст. 8 УПК РФ). *Другие*, не будучи текстуально обозначены процессуальными терминами, содержатся в соответствующих положениях закона, вытекают из его смысла¹³, например, принцип публичности¹⁴. Принцип *процессуального руководства прокурором уголовным преследованием от имени государства* закреплен вторым из указанных выше способов. Основные положения данного принципа содержатся в ст. 37 УПК РФ, а также во многих других статьях УПК РФ (21, 41, 67, 140, 146, 165, 211, 214, 221, 222, 226, 226, 246, 317, 317 и других).

¹² См.: Савицкий В. М. Что есть принцип? // Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России: Лекции-очерки / Под ред. проф. В.М. Савицкого. М., 1997. С. 1-14.

¹³ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса Том 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. Изд-во «Наука». М. 1968, с. 126.

¹⁴ См.: Бирюкова И.А., Кругликов А.П. Роль прокурора в реализации принципа публичности в уголовном процессе России // Российская юстиция. 2014. № 10 С. 34-37.

В уголовно-процессуальной литературе до настоящего времени не сложилось единого мнения о понятии, сущности и системе принципов уголовного процесса. Такое положение объяснимо, в том числе, постоянными изменениями в законодательстве, достижениями уголовно-процессуальной науки, развитием демократических форм правосудия. Поэтому представляется верным мнение профессора И.Б. Михайловской: «...установленный законом перечень принципов не исключает, а предполагает необходимость теоретических изысканий, предметом которых могут быть как вопросы, связанные с реализацией в нормативной модели и практике применения указанных в законе принципов, так и проблемы системы принципов, их взаимосвязи, полноты и т.п.»¹⁵.

В свете изложенного, является объективным наличие в уголовно-процессуальной литературе различных взглядов на систему принципов уголовного процесса. Приведем некоторые из них. Так, И.С. Дикаревым выдвинут и обоснован взгляд, согласно которому в уголовном процессе России действует принцип повышенной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних¹⁶. С.В. Романов в число принципов уголовного процесса включает принцип обеспечения права на судебную защиту¹⁷.

По мнению А.П. Кругликова и И.А. Бирюковой, принципом уголовного процесса является обеспечение прав и законных интересов потерпевшего¹⁸.

А.В. Смирнов считает принципами состязательного уголовного процесса очность процесса и непосредственность исследования доказательств, а также устность¹⁹.

А.С. Александров в перечень принципов уголовного процесса включает целесообразность²⁰.

---

¹⁵ См.: И.Б. Михайловская. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. С. 119.

¹⁶ См.: Дикарев И.С. Принцип повышенной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних // Российская юстиция. 2007. № 5. С.37-39.

¹⁷ См.: Романов С.В. Принципы уголовного процесса // Курс уголовного процесса / Под ред. д, ю, н., проф. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2016. С. 268.

¹⁸ См. Кругликов А.П., Бирюкова И.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего как принцип уголовного судопроизводства // Уголовный процесс. 2008. №. 4. С. 63-64.

¹⁹ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Принципы состязательного уголовного процесса // Уголовный процесс: Учебник для вузов. / Под общей редакцией А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2004. С. 73.

²⁰ См.: Александров А.С. Система принципов уголовного процесса // Уголовный процесс России: Учебник / Науч. ред. В.Т. Тomin. – Юрайт-Издат, 2003. С. 83.

По нашему мнению, как отмечено выше, принципом уголовного процесса России является *принцип процессуального руководства прокурором уголовным преследованием от имени государства.*

В полной мере положения названного принципа содержались в УПК РСФСР 1960 года, действовавшего до 1 июля 2007 года. Применительно к указанному времени, известный учёный-процессуалист профессор И.Л. Петрухин писал: «Прокурор – «хозяин» процесса на предварительном следствии и дознании. Его обширные полномочия в стадии предварительного расследования (ст. 37 УПК РФ) можно разделить на две группы: 1) уголовное преследование, включая процессуальное руководство следствием и 2) надзор.

Уголовное преследование (процессуальное руководство) характерно тем, что прокурор непосредственно в полном объёме или частично участвовал в расследовании и, в частности: поручал органам дознания и следствия исполнение своих постановлений о производстве процессуальных действий и принятии мер для раскрытия преступлений. А также участвовал в производстве дознания и предварительного следствия и в необходимых случаях лично проводил отдельные следственные действия или расследование в полном объёме по любому делу; возбуждал уголовные дела или отказывал в их возбуждении; прекращал или приостанавливал производство по уголовному делу (п.2, 3, 16 ст. 37 УПК РФ)»²¹.

Практически так же характеризовал правовое положения прокурора в период действия УПК РСФСР профессор С.А. Шейфер, когда писал, что прокурор руководил расследованием, направляя его в желаемое русло. Это ставило прокурора в положение лица, несущего ответственность за исход расследования²².

Руководство предварительны расследованием – это не что иное, как руководство уголовным преследованием, *обязанность осуществления которого начинается в соответствии с ч. 2 ст. 21 УПК РФ с момента обнаружения признаков преступления.*

Отметим ещё одно обстоятельство. Когда профессор С.А. Шейфер писал о руководстве прокурором уголовным преследованием, он высказал мнение, что прокурор *«вместе с тем следил за соблюдением следователями*

²¹ См.: Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Часть 1. М.: ТК Велби, 2004. С. 72.

²² См.: Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 95.

требований закона» (выделено нами – А.К. и И.А.). То есть, при осуществлении руководства предварительным расследованием (уголовным преследованием) прокурор *одновременно* надзирал за соблюдением законов следователями и дознавателями.

И здесь, по нашему мнению, следует согласиться с суждением известного специалиста в области прокурорского надзора за предварительным расследованием преступлений профессора В.М. Савицкого. Исследовав специфику прокурорского надзора за расследованием преступлений, он пришел к выводу: «прокурорский надзор за расследованием органически включает в себя оперативное (процессуальное) руководство следствием, подразумевает необходимость и неизбежность такого руководства. *Более того*, руководство следствием со стороны прокурора – единственный способ обеспечить законность действий следственных органов, без него невозможен полноценный, эффективный надзор за исполнением законов в стадии предварительного следствия»²³.

Рассматривая и анализируя соотношение категорий руководства и надзора, по мнению В.М. Савицкого, можно прийти к однозначному выводу: *использование любой из этих форм, будучи актом руководства следствием со стороны прокурора, служит для него тем самым (и как раз поэтому) энергичной мерой обеспечения законности действий следователя*²⁴.

Полноценное руководство уголовным преследованием прокурор осуществлял до 1 июля 2007 года.

То есть до того момента, когда Федеральным законом Российской Федерации № 87 от 5 июня 2007 года «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»²⁵ законодатель, по мнению многих научных и практических работников необоснованно²⁶, лишил прокурора ряда важных полномочий и передал их руководителю следственного органа.

---

²³ См.: Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. Изд-во «Наука». М, 1975.. С. 195.

²⁴ См.: Савицкий В.М. Указ. раб. С. 195-196.

²⁵ См.: Российская газета. 2007. 8 июня.

²⁶ См., например: Масленникова Л.Н. УПК РФ и перспективы развития уголовного судопроизводства в России // LEX RUSSICA. Научные труды Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина. 2010. № 3. С. 551-567); Кругликов А.П. Роль прокурора в уголовном судопроизводстве // Законность. 2008. № 8. С. 25-29.

Тем не менее, и в настоящее время прокурор обладает достаточными полномочиями для процессуального руководства уголовным преследованием от имени государства. Назовем, кратко, эти полномочия.

1. В части 1 ст. 37 УПК РФ закреплено важное правило: «Прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия».

2. Частью 1 ст. 21 УПК РФ предписано: «Уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляют прокурор, а также следователь и дознаватель». И.Б. Михайловская верно заметила, что субъекты осуществляющие уголовное преследование в порядке публичного обвинения, находятся в иерархических отношениях. Возглавляет эту иерархическую структуру прокурор, который наделен помимо других полномочий, правом осуществлять действия и решения, которые находятся в компетенции следователя и дознавателя²⁷.

В приказе Генерального прокурора РФ № 39 от 5 июля 2002 года относительно полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве было, в том числе, сказано: «в досудебном производстве прокурор является руководителем уголовного преследования».

По обоснованному суждению профессора А.С. Александрова, прокурору, в уголовном процессе, необходимо обладать полномочием «на распоряжение уголовным преследованием (вплоть до предоставления иммунитета от уголовного преследования обвиняемому). Другие государственные органы, осуществляющие уголовное преследование, должны находиться в процессуальном подчинении у прокурора. Публичные органы уголовного преследования, относящиеся к стороне обвинения, выступают как «процессуальные средства», с помощью которых прокурор осуществляет функцию обвинения (на наш взгляд – уголовного преследования – А.К., И.Б.). Органов уголовного преследования может быть много. Обвинительная власть должна быть одна и распоряжаться ею должен прокурор»²⁸.

²⁷ См.: Михайловская И.Б. Уголовное преследование // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб.- 2-е изд., перераб. и доп. Отв. редактор И.Л. Петрухин. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 96.

²⁸ См.: Александров А.С. Забыть Фойницкого? // Стратегии уголовного судопроизводства / Сб. материалов научной конференции к 160 годовщине со дня рождения И.Я. Фойницкого. – М.: РАП, 2008. С. 23.

3. Федеральным законом Российской Федерации от 28 декабря 2010 года № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия»²⁹ прокурору были возвращены некоторые, из ранее у него имевшихся полномочий, относящиеся к стадии возбуждения уголовного дела и осуществлению уголовного преследования.³⁰

Так, в часть 2 ст. 37 УПК РФ включен пункт 5¹ следующего содержания: «истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решения в соответствии с настоящим Кодексом». Дополнено УПК РФ и указанием на то, что в случае признания названных решений руководителя следственного органа или следователя незаконными или необоснованными, прокурор вправе в установленные законом сроки отменить их путем вынесения мотивированного постановления (ч. 6 ст. 148, ч. 1¹ ст. 211, ч. 1 ст. 214 УПК РФ). Возвращение прокурору полномочий по отмене указанных необоснованных и незаконных постановлений следователя или руководителя следственного органа, несомненно, усиливают его роль в осуществлении уголовного преследования и руководстве им.

4. Рассматривая поступившее от следователя уголовное дело с обвинительным заключением, прокурор вправе своим мотивированным постановлением вернуть его для производства дополнительного следствия (п. 2 ч. 1, ч. 3 ст. 221 УПК РФ). Следователь может обжаловать указанное постановление прокурора вышестоящему прокурору, но принятие окончательного решения все равно принадлежит соответствующему прокурору (ч. 4 ст. 221 УПК РФ).

5. Только прокурор имеет право утверждать обвинительное заключение, обвинительный акт, обвинительное постановление и направлять уголовное дело в суд (п. 1 ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 222, ст. 226, ст. 226⁸ УПК РФ).

7. Именно прокурор рассматривает ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и постановление следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, и только

²⁹ См.: Российская газета. 2010. 30 декабря.

прокурор вправе вынести постановление об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 317² УПК РФ).

8. При рассмотрении уголовного дела в судебном разбирательстве государственный обвинитель, если придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения влечет за собой прекращение судом уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). То есть соответствующий прокурор при названных обстоятельствах полноправно распоряжается судьбой уголовного иска.

Если обратиться к законодательству и практике зарубежных стран, то мы увидим, что абсолютное большинство стран романо-германской системы права придерживается той модели прокуратуры, в соответствии с которой она выступает (преимущественно) как орган уголовного преследования³¹.

В уголовном процессе Германии действует принцип «монополии прокуратуры возбуждать уголовное преследование и предъявлять государственное обвинение, § § 152 (2), 170 (1) УПК»³².

Приведенные нормы УПК РФ (разумеется, есть и другие, содержащие различные полномочия прокурора в уголовном процессе), как представляется, убедительно свидетельствуют о наличии в уголовном судопроизводстве России принципа процессуального руководства прокурором уголовным преследованием от имени государства, в процессе которого он осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия.

О том, что прокуратура и в настоящее время не утратила своих руководящих полномочий, регулярно говорится в средствах массовой информации. Например, 2 апреля 2019 года появилось сообщение о проведении проверки Военной прокуратурой Ракетных войск стратегического назначения в связи с получением ранений военнослужащими Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского. Было сообщено, что *на месте происшествия*

³¹ См.: Додонов В.Н., Кругских В.Е. Прокуратура в России и за рубежом. Сравнительное правоведение / Под ред. С.И. Герасимова. М.: Издательство НОРМА, 2001. С. 24.

³² См.: Вернер Бойльке. Уголовно-процессуальное право ФРГ: Учебник. 6-е изд., с доп. и изм. Пер. с нем. Я.М. Плошкиной; под ред. Л.В. Майоровой. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004. С. 11, 35.

находился заместитель военного прокурора 83-й военной прокуратуры гарнизона. Он координировал все проводимые чрезвычайными службами и правоохранительными органами работы. Было сообщено, что меры прокурорского реагирования будут приняты при наличии оснований по результатам прокурорской проверки³³.

Но, конечно же, в целях полноценного руководства уголовным преследованием прокурору необходимо вернуть полномочия, которыми он обладал до принятия указанного выше Федерального закона Российской Федерации № 87 от 5 июня 2007 года «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации».

---

³³ См.: https://78.ru/news/2019-04-02/posle_vzriva_v_akademii_mozhaiskogo_voennaya_prokuratura_provodit_proverku?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.

Глава 2. Эволюция правовой системы России

Религиозно-нравственные начала и традиции формирования отечественной правовой системы

Любое изменение в какой-либо системе общественных отношений порождает необходимость обращения к истокам формирования этой системы. Не является исключением и правовая система, претерпевающая в настоящее время значительные изменения ввиду технического воздействия на механизмы правоприменения. В связи с таким воздействием отечественная правовая система, которая всегда тяготела к романо-германской правовой семье, основанной в свою очередь на отраслевом регулировании отношений, ввиду такого универсального фактора как прогресс технологий отечественное право, как и право стран с развитой экономикой переходит в эпоху междисциплинарности. Вместе с тем, чтобы эффективно использовать междисциплинарное регулирование, необходимо иметь детально разработанные основы этих отраслей. Также примечательным является то, что межотраслевой подход в правовом регулировании (а в доктрине – это междисциплинарность), уже был в истории правового регулирования, когда нормы содержались в едином акте, сформированном на основе традиционного понимания обществом необходимости фиксации правил поведения.

Итак, ранее уже было указано, что отечественная правовая система тяготеет к романо-германской, но что заключается в основах такого тяготения: единая история, единые традиции, единые экономические интересы, единая система права, единые источники?.. Представляется, что ничего из перечисленного в генезисе отечественной правовой системы не было. А были лишь фрагментарные контакты на государственном уровне в связи с формированием новых экономических связей (к примеру, при киевских князях Олеге и Игоре, при Петре I и т.д.) и современное активное воздействие западно-европейских институтов на процессы формирования отечественного права, что заканчивается необдуманым заимствованием правовых идей и конструкций, являющихся органично вписанными в западноевропейский социокультурный контекст и чуждыми российской правовой культуре.

Чуждость такого заимствования прежде всего связана с кардинальными различиями в основах правовых систем, в основах цивилизаций Запада и востока. Так, цивилизация и правовая традиция основана на

автономности личности, на обособлении права от религии, морали, идеологии. В связи с чем, в регулировании особое внимание уделяется правам и свободам, разграничению частного и публичного права.

Напротив, восточная правовая традиция напрямую основана на взаимодействии разных регуляторов общественных отношений. Причем, любой социальный регулятор в представлении общества является проявлением божественного и власти народа. Определяющую роль играют юридические обязанности, нет четкого разделения частного и публичного права, развитие права определяется государственной властью, нет сложившейся юридической элиты³⁴.

В связи с чем предлагаем тезисно рассмотреть вопрос о традициях славянских народов в формировании правил поведения и их фиксации в нормативных актах. Ведь традиции также подвержены эволюционированию, хотя в первую очередь зависит от системы ценностей, отношений, уже сложившихся в данном обществе, но в то же время – и от социокультурных запросов в обществе. При этом, наиболее специфической чертой, опосредующей всю дальнейшую характеристику отечественной правовой системы, является мононормативное регулирование через мифологию, традиции и обычаи; через противопоставление Закона (с одной стороны) и Веры и Правды (с другой стороны); преимущественное использование термина «правда».

Итак, какие же основные характеристики присуще славянской правовой системы, праву славянских народов (государств). Прежде всего необходимо отметить, что о формировании самостоятельного права в славянских обществах можно говорить лишь в период после падения Западно-римской империи и появления новые королевства и княжества варварских племён германцев и славян, попавших в орбиту христианского мира. Самоидентификация народов как носителей идеи о наилучшей форме государства и наиболее справедливой правовой системе в первую очередь связана с самосознанием конкретного человека, которое в средневековый период носило преимущественно религиозный, символически-иррациональный и трансцендентный характер.

Славянские народы, принявшие крещение от Константинополя (болгары в 864 г., сербы около 870 г. и русы в 988 г.) не только оказались в новой системе нравственно-этических, сакральных и политико-правовых координат, но и были включены в христианскую парадигму человеческой цивилизации. Причем, то, что ещё вчера осуждалось, вдруг стало поощряться, и,

³⁴ Оборотов Ю.Н. Традиции и обновление в правовой сфере: вопросы теории. Одесса, 2002. С. 109.

наоборот, то за что воевали – было признано порочным и противозаконным. Так, это прежде всего касалось религиозных культов – по п. 9 Устава князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных³⁵ преследованию со стороны церкви подвергались ведство (волхование), узлы (изготовление языческих оберегов и славянских родовых символов), зелье и зелейничество (приготовление лекарств и приворотных напитков).

Под влиянием византийских церковных документов направленных на борьбу с языческими обычаями в п. 3 Определения владимирского собора изложенного в грамоте митрополита Кирилла II 1274 г. дохристианские славянские праздники назывались «трекляти и эллински»³⁶, т.е. трижды проклятыми эллинскими торжествами, хотя пантеон восточнославянских племён, включавший Рода-Породителя, Берегинь, Рожаниц, Сварога, Перуна, Велеса, Световита, Хорса, Макошь, Ладу, Яра и др. не знал олимпийских богов.

В Соборном Уложении 1649 г.³⁷ по степени общественной опасности на первом месте располагались преступления против православной веры и церкви, так в ст. 1 этого свода законов отмечалось, что «за хулу на господа бога и спаса Иисуса Христа, или на богородицу и приснодеву Марию или на честной крест, или на святых его угодников», полагается смерть через сожжение на костре».

В отношении же кровно-родственной сферы быта – семьи – происходил процесс утверждения новых нравственных ценностей, противостоящих языческим: запрещено многоженство; духовное родство (кумовство, отношения крестных и крестников) являлось препятствием для заключения брака; уголовное преследование за блуд; защита нерасторжимости брака (хотя предусматривалось и случаи развода); закрепляется принцип виновного поведения жены, а не мужа; утверждение святости церковных праздников (за работу в праздничный церковный день у виновного хозяина убивали вола, тушу которого делили на две части: одна шла в пользу князя, а другая на содержание сирот (ст. 34 Закона Жупы Грбаль (1427 г.)).

В православных славянских государствах сербов, болгар и руссов устанавливалась самодержавная форма правления, впитавшая в себя идеи

³⁵ Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных // Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси. – М.: Юрид. лит., 1984. – С. 139 - 140.

³⁶ Определения владимирского собора изложенные в грамоте митрополита Кирилла II 1274 г. // Памятники древне-русского канонического права. Часть первая. (Памятники XI – XV в.) / Русская историческая библиотека издаваемая Археографическою комиссією. Томъ шестой. – Санктпетербургъ: Типографія Императорской академіи наукъ, 1880. – С. 83 – 102.

³⁷ Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т. 3. Акты Земских соборов. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 83 – 258.

симфонии власти духовной и светской сформулированные в Византийской империи³⁸. Православная традиция стоит на позиции симфонии властей: «Величайшие блага, дарованные людям высшей благодатью Божией, суть священство и царство, из которых первое (священство, церковная власть) заботиться о божественных делах, а второе (царство, государственная власть) руководит и заботится о человеческих делах, а оба, исходя из одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни. Царское самодержавие – это форма правления, при которой верховная государственная власть, персонифицируемая государем функционирует в рамках политико-правового сотрудничества, допускающего принятие общеобязательных решений в совете с церковью, крупными вотчинниками-землевладельцами (боярами), служивыми людьми (дворянами), а иногда и податным населением (купцами, посадскими и т.д.), выражающими свою волю через избранных или призванных правительством представителей в рамках общегосударственного собора³⁹.

Таким образом, в рамках православной средневековой цивилизации сформировалась византийско-славянская, православная правовая система, имеющая в своей основе христианизированное римское право, каноническое право греческой (ромейской) церкви, а также законодательство, правовые обычаи и судебную практику таких древнеславянских народов как сербы, болгары и русы.

Исходя из данных культурноаксиологических приоритетов, признаваемых славянскими народами на заре их государственности (в эпоху раннего Средневековья), систему древнеславянского права целесообразно разделить на четыре отрасли: – сакральное право; – державное право; – общинное (задружное) право; – родовое право.

На основе чего, исследователями⁴⁰ выделяются и следующие особенности славянского права:

1) славяне не противопоставляли частные интересы общинным задачам;

2) верования древних славян строились на родовых, а не на профессиональных началах как у квиритов, что коренным образом влияло на различные приоритеты духовнонравственной оценки правового поведения;

³⁸ Серегин А.В. Демократическая диктатура и самодержавное народоправство: сравнительно-правовое исследование государственных моделей управления: монография / А.В. Серегин. – М.: Юрлитинформ, 2018. С. 160-169.

³⁹ Серегин А.В. Цивилизационный феномен средневекового многообразия форм славянских государств: монография / А.В. Серегин. – М.: «Юрлитинформ», 2017. – 408 с.

⁴⁰ Серегин А.В. Новый взгляд на структуру древнеславянской системы права // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2015. № 3 (5). С. 30-31.

3) древнеславянское право преимущественно состояло из народных обычаев, а не писаных предписаний;

4) славянское право не знало антагонистических классовых противоречий.

Следовательно, древнеславянское право подчинялось иным закономерностям внутреннего построения, определяемым в первую очередь интересами развития и приумножения славянских родов, общин и держав.

В отношении же формирования отечественного права исследователи привязывают этот процесс с периодом появления письменных источников, а это – X век. Тем не менее и эти писанные источники также отражают традиции и прежде всего – т.н. Закон русский, те самые традиции и обычаи, применяемые вне зависимости от прописанных норм, поскольку касаются всех сторон жизни общества. в то время как писанные источники отечественного права отражают лишь фрагментарное регулирование, прежде всего направленное на отношения связанные с формирующимся государственным аппаратом, с международными отношениями и пр. Причем отмечается, что и в летописных сводах отражалось то самое традиционное (обычное) регулирование славянского общества, которое основывалось на Законе Русском. Примерами таких норм, основанных религиозно-нравственных основах следующее:

- «священная безграничная любовь к свободе;
- непринятие рабства и неприхотливость;
- семейный союз для славянина считался одной из важнейших религиозных ценностей, поэтому кто имел наибольшую семью и родню, тот и пользовался наибольшим общественным уважением;
- если схватят вора, то забирают имущество, а его самого затем отсылают на окраину страны и там наказывают;
- если женщина, став женой, предается прелюбодеянию, то муж убивает ее, не принимая извинений;
- есть у них волхвы и жрецы, из которых иные повелевают князем, как будто бы их, руссов, начальники; и если знахари приказывают, то не исполнить их приказания никак невозможно;

- дети славян почитали родителей и содержали их в старости или немощи, так что не было среди них нищенствующих»⁴¹.

Такое преобладание традиционных основ в правовых регуляторах подтверждалась конфронтацией этих обычаев с правом Киевской Руси⁴², права государственного, а позднее права, основанного на христианстве. Безусловно от Византии отечественное право восприняло более совершенную юридическую технику, однако традиционные основы стали отмирать и, если и сохранились, то лишь как суеверия, обычаи к праздникам и свадебные обряды. Прием именно семейная сфера противилась детальному правовому регулированию вплоть до советского периода и в полной мере византийское семейное право на Руси вообще не применялось. Были заимствованы лишь отдельные внешние атрибуты, воспринятые господствующей верхушкой: церковный брак, обручение, власть мужа над женой и детьми, бесправие внебрачных детей, затруднительность развода, моногамия и т.д.

Исследователи права славянских народов отмечают, что право было оформлено под влиянием особых внутренних и внешних факторов, но с сохранением общих для всех славянских народов институтов⁴³.

Несмотря на то, что по принятию христианства, была введено каноническое право, однако правовое регулирование русича все же является цельным, хотя и содержит нормы отдельных отраслей права: гражданского, наследственного, уголовного и процессуального. Эта цельность основана на определенном понимании справедливого, правильного, верного, что, в свою очередь, соотносится с категориями «правда», «справедливость», «вера».

Как отмечает С.С. Алексеев, «использование терминов «справедливое право» и «справедливое правосудие» свидетельствует о том, что в российской правовой системе со всей определенностью выражена генетическая общность права и морали⁴⁴.

Таким образом, праву дохристианской Руси присущи религиозность, казуистичность, символизм, который связывает право с менее формализованными правовыми регуляторами и помогает упорядочивать отношения посредством знаков.

Переход к христианству и к правой технике византийской формы происходил в период конкуренции и симбиоза отдельных элементов права. В

1. ⁴¹ Серегин А.В. Державное наследие Древней Руси. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 117-118.

⁴² Там же. С. 119.

⁴³ Николич Д. Сравнительная история права славянских народов (юридико-историческое эссе) // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2017. Т. 4. № 4 (14). С. 68-69.

⁴⁴ Алексеев С.С. Философия права. М., 1998. С. 56.

частности, в связи с формированием упорядоченного государственного строя требовалось и упорядоченное государственное право, что влекло конфронтацию с обычным правом. Причем именно для упорядочения государственных правоотношений, укрепления позиций правящего княжеского рода «правящая языческая верхушка сделала свое отношение к новой религии средством выгодных для себя внешнеполитических акций»⁴⁵.

Представляя собой основной регулятор известной на тот момент ойкумены, христианство явилось своеобразным связующим механизмом, механизмом глобализации. Однако, глобализационные механизмы настоящего времени влекут размывание традиционных идентификаторов индивидов, ослабление роли государства-нации, что приводит к заполнению возникших «пустот» в общественных регуляторах суррогатами: вместо регулирования традиционными нормами права и религии используются квази-религии (в виде религиозно-фундаменталистских лозунгов террористической направленности). Таким образом, христианство как всемирная религия, объединив многие государства, явившись глобализующим механизмом, претерпевает в настоящее время крах перед глобализацией индивидуалистической, экономической, основанной на иных традициях и принципах (в основном, на принципах стяжательства и экономической выгоды).

«Истории свойственно повторяться», и это относится и к такому общественному явлению как право, что проявляется в такой форме как правовая традиция. Причем, одной из мощных традиций в праве является религиозная традиция, определяющая, в том числе, и особенности правовой системы государства. В отношении истории нашей страны, а соответственно и отечественного права (отечественной правовой системы) весьма примечательна судьба права (правовой системы) Восточно-римской (Византийской) империи, или в официальном названии – Священная Римская империя, которая возникла как национальная империя в основе которой явилась не отдельный народ, а религия, ставшая таким имперским механизмом.

Итак, Византия возникла как империя, наследие первого рима, как Священная Римская империя. Соответственно и формирование правового регулирования основывалось на имперском подходе и к определению роли и содержанию титульной нации, и к определению первоочередных принципов в правовом регулировании.

Так, любое государство формируется титульной нацией, определяющей основной вектор развития, из объединившегося народа, который в

---

⁴⁵ Спекторский Е. В. Христианство и культура. М., 2013. С. 236.

свою очередь осознал себя как единое целое. «Любое и каждое современное государство потому и обладает неповторимой индивидуальностью, что большинство его граждан принадлежат к определенной нации, и оно, как следствие, является носителем конкретной национальной культуры»⁴⁶. Причем, категория «титульная нация» не означает, что она состоит из одного народа (этноса). Как правило, это набор близко стоящих этносов, народов, а иногда и не близких, но связанных определенной традицией (наследием), историей, и образующих единый конгломерат народов – нацию.

Соответственно, современные государства, претендующие на имперские позиции, но не представляющие собой единое государство, именно из-за отношения к населяющим народам – они не соединены единой культурой, традициями, а противопоставляются имеющейся титульной нацией (народом), и как следствие – не желающие ассимилироваться. Напротив, в Византийской империи «величайшие достижения в области права, культуры, медицины, финансов, торговли, мореплавания были открыты для 50 миллионов граждан, включая инородцев, от которых требовалось лишь одно – проявлять лояльность политической власти Империи и разделять бремя государственности»⁴⁷. «Этническая раздробленность страны никогда не угрожала ее культурному единству. Титульная нация, включавшая в себя сотни этносов, не растворилась в миллионах инородцев и окружавших государство варваров. Было три решающих фактора, скреплявших византийцев крепче, чем кровная связь: римская государственность, греческая культура и христианство»⁴⁸.

Историческое наследие славянских народов в виде правовой культуры и менталитета дают основу для отнесения отечественной правовой системы к славянской. Однако в настоящее время из-за единичных примеров стран с аналогичной правовой системой (российская, белорусская и украинская) это лишь «решение частного «славянского» вопроса, а не общей научной проблемы касающейся типологии правовой системы»⁴⁹. Соответственно такой вид как «славянская система права» сейчас находится в стадии развития и не может претендовать на самостоятельную группу.

У.Э. Батлер относил российскую правовую систему к числу смешанных ввиду того, что к этому типу относятся системы, «сочетающие в себе элементы «гражданского права» и «общего права», ...сочетающие в себе

⁴⁶ Величко А.М. Византийская «симфония». М.: Вече, 2013. – 388 с. С.5.

⁴⁷ Там же. С. 15.

⁴⁸ Там же. С. 19.

⁴⁹ Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в Древней России. С. 305.

дублирующие друг друга элементы «гражданского права» и «общего права»; сочетающие другие комбинации правовых традиций (религиозных, племенных, социалистических, обычных, гражданских, общих и т.д.)... История российского права дает более чем достаточные доказательства множественного влияния других правовых традиций на всей территории России, но только не классического соседства «гражданского права» и «общего права». Если и есть сколько-нибудь серьезный след влияния «обычного права» в России, он датируется периодом с 1991 г. и является следствием отдельных правовых реформ, материал для которых черпался в англо-американской правовой практике и элементах «общего права», присущих европейским правовым институтам и нормам»⁵⁰.

В числе прочих У.Э. Батлер также указывает, что отечественную правовую систему многие компаративисты относят к переходным, но без четкого указания от чего и к чему, к примеру, в романо-германскую семью правовых систем. Однако сразу У.Э. Батлер указывает, что «Россия никогда официально не заявляла о намерении стать членом романо-германской семьи правовых систем»⁵¹.

Также, анализируя место отечественной правовой системы в правовых семьях, У.Э. Батлер указывает и на социалистическую правовую систему, и на славянскую.

Причем, первая – это дань прошлого, к которому российское законодательство не возвратится, а вторая система – это новое веяние, основанное на эволюции российской государственности.

При том, что к основным чертам славянской правовой системы на основе анализа правовой культуры, эволюции права и законодательства государств славянских этносов, можно отнести: «деперсонализация власти, неклассовая и негосударственная организация общества, необычно сильное чувство коллективизма и общности... трудовая демократия, традиции местного самоуправления и др.»⁵². В связи с чем можно указать, что особый статус индивида в правовой культуре славянских этносов, основан на доминировании коллективных элементов в его правосознании и отсутствии четкой границы между личностью (индивидуализмом) и социальным государством.

Вместе с тем У.Э. Батлер сразу же оговаривает, что термин «славянское право» некорректен, поскольку в мировой истории не было

⁵⁰ Батлер У.Э. Россия и юридическая карта мира // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 5. С.82.

⁵¹ Там же. С. 79.

⁵² Там же. С. 81.

одноименной страны, скорее речь идет об этносе, что более соответствует истории развития славянских народов и государств.

Как же это проявлялось в регулировании тех правовых вопросов, которые связаны с определением правового статуса личности, его субъективных прав в отношении с другими членами общества и т.д.: право-, дее- и сделкоспособность, в том числе участие в гражданских, семейных и в наследственных правоотношениях.

Итак, рассматривая вопрос об отнесении систем права стран бывшего СССР к какой-либо конкретной правовой системе, нами в качестве отправной точки была выбрана отечественная система права. Соответственно вопрос влияния иных правовых систем на формирование права нами будет рассматриваться применительно к отечественному законодательству и праву, а точнее – отдельные институты.

Итак, формирование права связано с формированием источников права, поскольку только анализ материальных следов, содержащих вопросы права, может сказать о наличии/отсутствии какого-либо регулирования. Кроме того, основные вопросы, которые мы будем рассматривать – какие нормы содержатся в этих писанных источниках и под чьим влиянием они были внесены.

Первый источник, с которым связывают формирование российского права – договоры Олеги и Игоря с Византийской империей. Однако не в этих источниках содержались первые регуляторы, а кроме того положения этих договоров с русской стороны формировались на основе обычаев. Кроме того, особенность правового и государственного устройства славянских народов устанавливает следующие условия правового регулирования общественных отношений:

- господство обычаев над законами;
- казуистический стиль юридической техники, свойственный эпохе средневековья;
- слабое влияние римского и канонического права;
- единство юридических, политических и сословных элементов социального регулирования;

- преимущественно аграрно-регулятивный характер⁵³.

Также цивилизационный аспект формирования российской правовой системы говорит о следующих особенностях отечественного права: «современное деление отраслей права... на право частное, публичное характерное для романо-германской правовой семьи, не применимо для... традиционного права древних славян по следующим причинам:

- 1) славяне не противопоставляли частные интересы общинным задачам;
- 2) верования древних славян строились на родовых, а не на профессиональных началах как у квиритов, что коренным образом влияло на различные приоритеты духовно-нравственной оценки правового поведения;
- 3) древнеславянское право преимущественно состояло из народных обычаев, а не писанных предписаний;
- 4) славянское право не знало антагонистических классовых противоречий⁵⁴.

Таким образом, древнеславянское право обеспечивало интересы развития и преумножения родов, общин и держав, а не отдельных классов, имеющих в руках политическую и экономическую власть. Причем, нормы, регулирующие правовое положение отдельной личности (семейное и наследственное право) относились к родовому праву. «И только лишь после христианизации правовые системы славянских государств подверглись романизации и германизации, структурируясь в рамки классических отраслей права: государственного, уголовного, гражданского, семейного и т.д.»⁵⁵.

В дохристианский же период древнерусского государства (племен), наиболее ранние упоминания об особенностях регулирования гражданско-правовых отношений, касались вопросов наследования. «...В труде арабского писателя Ахмеда ибн-Фадлана, который принимал участие в посольстве арабского халифа в Волжскую Болгарию в 921–922 гг. ... имущество умершего знатного руса наследуется следующим образом: «Что касается богатого, то собирают то, что у него имеется, и делят это на три трети,

⁵³ Серегин А.В. Эволюция древнеславянского права (эпоха Средневековья: от общинно-вечевых истоков к крепостничеству): монография. М.: Инфра-М, 2018. С. 314.

⁵⁴ Там же. С. 6.

⁵⁵ Там же. С. 7.

причем (одна) треть – для его семьи, (одна) треть на то, чтобы на нее скроить для него одежды, и одна треть, чтобы на нее приготовить набиз, который они пьют...»⁵⁶. Из приведенного фрагмента очевидно, что в данном случае речь идет о наследовании на основе норм обычного права.

Итак, какие же обычаи славянских народов позволили сформировать регуляторы отношений между членами семьи и рода в отношении объектов материального на случай смерти соплеменника. Прежде всего особенности обычного права касаются сохранения семейной общины, характерной для всех славянских народов и отличной от «*pater familias*» и германского индивидуализма⁵⁷.

Так, рассматривая особенности средневековых болгарских общин, авторы отмечают, что если кто-то из общинников уходил на заработки, то обязан был материально поддерживать свою общину зарабатываемыми средствами. Причем, по возвращении он не мог требовать никакого отчета относительно управления общим имуществом, если он не передавал главе семейного союза части своего дохода. Недвижимое имущество в таких сообществах считалось общей собственностью и продажа производилась с одобрения всей общины, причем порицалась продажа средств производства и необходимого имущества. Некоторое имущество общины ограничивалось в гражданском обороте: прежде всего, это были средства производства, виноградники, луга, поля. Причем, бочки, котлы, тележки и различные земледельческие орудия читались неотъемлемой частью земельных участков⁵⁸. Причем по болгарским обычаям выделялось два вида имущества: благоприобретенное – делится поголовно, причем тот, кто больше содействовал приобретению, получает большую часть – аналог общей долевой собственности. Второй вид – унаследованное от предков имущество, которое может быть разделено поколенно.

В наследственных правоотношениях по болгарским обычаям участвовали прежде всего сыновья, а девушки могли претендовать только на половину движимого имущества, виноградники и сады.

При жизни мужа все необщинное принадлежало его власти, и жена могла продавать только незначительные вещи. Однако в случае его длительного отсутствия этот запрет снимался, и она могла распоряжаться имуществом при условии, что даст мужу отчет. В случае вдовства, именно она

⁵⁶ Мельников С.А. Наследственное право Древней Руси // Государство и право. - М.: Наука, 2010, № 5. - С. 81-89

⁵⁷ Серегин А.В. Указ. Соч. С. 17.

⁵⁸ Там же. С. 18.

становилась главой семьи и своей семейной общины. Если вдова выходила замуж, то она снова теряла эту полную сделкоспособность.

Особенностью болгарских обычаев в гражданских правоотношениях (в которые мы включаем и наследственные и семейные правоотношения), чуждой для нашего понимания – это порицание завещаний основной массой болгарского народа вплоть до XX века. Вместе с тем, в вопросах наследования болгарские обычаи не сильно отличались от общей массы славянских народов, в том числе и Древней Руси.

Так, третья часть подарков, драгоценных вещей и нарядов жены принадлежала пережившему мужу, а остальные две трети – детям; при отсутствии детей муж имел право оставить себе половину личного имущества жены, а вторую – вернуть ее родителям; в другом районе Болгарии «имущество матери наследовали дети; при их отсутствии отец и мать умершей; в случае же смерти последних – наследником становился муж; но во всех случаях он вычитал и удерживал то, что уплатил за жену»⁵⁹.

В отношении же право- и дееспособности принцип был одинаков во всех средневековых государствах и племенах – власть отца над дочерьми прекращалась сразу после их замужества (но начиналась власть мужа); над сыновьями – до женитьбы или поступлении на военную службу.

Хорватские и словенские памятники (Винодольские Законы⁶⁰, как свод межотраслевых памятников) прежде всего обращают внимание на следование обычаям славянского права – отсутствие какого-либо упоминания о рабстве, вплоть до того, что юридически запрещалось не только отдаваться в частную зависимость, но даже вступать под покровительство монастыря и частных лиц.

Винодольские законы основываются на обычаях славянского мира. Так, право наследования прежде всего принадлежит сыновьям, а в случае их отсутствия – дочерям. Если нет детей, то имущество (как и по Русской Правде) считалось вымороченным и передавалось в собственность князю. Однако в этих Законах уже был зародыш завещательного порядка наследования.

Другой источник славянского права в этом регионе – Законы града Загреба – в вопросах наследования предусматривал следующее. «наследодатель, не имеющий законных наследников (сыновей), мог свободно распорядиться движимым имуществом. Имущество же недвижимое он должен

⁵⁹ Там же. С. 23.

⁶⁰ Там же. С. 34-58.

был, по совету со своими согражданами, оставить своей жене. Если собственник, не имеющий детей мужского пола, жены или других родственников, умирал без завещания, то ... две части недвижимого имущества отдать бедным и церкви, а третью часть предоставить городу»⁶¹. Как видно речь здесь идет о наследовании по закону и по завещанию. Однако право завещания значительно ограничивалось только движимым имуществом и отсутствием сыновей.

Таким образом, «Русская Правда и Законы Винодола придают наследству исключительно семейный характер: если у наследодателя нет детей – законных наследников, то имущество переходит к князю, считается вымороченным. Загребские Законы пошли дальше: признавая законными наследниками одних детей, они призывают к наследству когнатов на том же основании, как Русская Правда призывает князя...., если отсутствуют когнаты, то имущество переходит к общине»⁶².

По древнему чешскому праву, наследство делится между братьями поровну, сестры, не вышедшие замуж, живут при братьях, а выданные получают от них приданное. Вдова может жить с детьми, или поселиться на своей части. Дочери призываются к наследству, когда нет сыновей и их нисходящих наследников.... Данный порядок наследования аналогичен загребскому. Вымороченное имущество окончательно отходило в пользу князя»⁶³.

Более поздние источники права южных славян уже подверглись германизации и придавали рассматриваемым правоотношениям более привычный вид для Нового и Новейшего времени.

К примеру, наиболее ближайший «сосед» в юридическом пространстве – Польская Правда (конец XIII в.) и польское законодательство. «Исследование Польской Правды позволяет сделать вывод, что Польское королевство было независимо от Священной Римской империи германской нации, но полным суверенитетом не обладало, ибо являлось вассалом католической церкви»⁶⁴.

В гражданских правоотношениях, примечательно по сравнению с иными славянскими народами, одним из активных субъектов являлись женщины: в рыцарском и крестьянском быту они имели право собственности на движимые предметы, как из числа приданного, так и купленные ими,

⁶¹ Там же. С. 61.

⁶² Там же. С. 96.

⁶³ Там же. С. 96-97.

⁶⁴ Там же. С. 150.

подаренные и полученные от использования приданным, купленным и подаренным. В рыцарской среде приданное считалось полной собственностью жены вне зависимости от статуса имущества. При вторичном вступлении в брак вдова забирала свое приданное. Вдовы рыцарей имели право пользования всем имуществом покойного.

Причем, институт приданного, которое поступает в полную собственность мужа, как наследие римского права стал применять в Польше только после XIII в.

В то же время, идея личной собственности жены в Польской Правде проводилась очень строго: после смерти матери ее имущество наследовала дочь (в случае отсутствия иных наследников); таким образом, материнская часть всегда выделялась из имущества рыцаря, даже если последний умирал и оставлял на «попечении» князя вдову и дочь. На эту материнскую часть не мог претендовать даже князь. В случае отсутствия дочерей материнскую часть наследовали сыновья.

В течении XIII в. в польских землях, захваченных крестоносцами, проходил процесс германизации права. Причем, необходимо отметить, что именно XIII в. является переломным в деле влияния римского права на европейское законодательство. В отношении наследственного права это проявилось следующим образом:

- ввиду отсутствия мужских нисходящих наследников, наследуют дочери;
- право пруссов, изменяя польское право установили, что по смерти отца наследуют и сын, и дочь, если нет нисходящих, то наследуют боковые линии;
- в Мазовии же в случае смерти отца наследовали только мужские нисходящие линии, а если их не было, то князь.

Таким образом и до германизации польское право отлаженную структуру. В отношении же рецепции римского права в древнерусском праве, которое на польской земле имело форму «германизация», все исследователи⁶⁵ говорят об отсутствии прямой рецепции, поскольку отсутствуют прямые контакты римского права и права древнерусского государства (Киевской Руси). Но при этом сходятся в том, что наличие прямых контактов необходимо лишь при буквальной трактовке термина «рецепция». А поскольку

⁶⁵ Авенариус М. Римское право в России. Пер. с немецкого Д.Ю. Полдникова. – М.: Academia, 2008. С. 10.

таковых не имелось, то речь должна идти о заимствовании идей и принципов римского права, что на наш взгляд также невозможно или вообще неприемлемо, поскольку основой римского права является языческое вероисповедание, индивидуализм и пр.

Исследователи древнерусского права возразят об отсутствии контактов древнерусского права с римским правом поскольку имеются тесные отношения с Византийской империей, с чем мы согласны. Однако, это уже было не языческое право, а христианское.

И опять мы возвращаемся к вопросу о степени и природе заимствования норм иностранного права в отечественно (древнерусское).

При этом необходимо помнить, что помимо известных договоров с Византией и кодификации древнерусского права в Русскую правду, особое значение имела система древнерусского права, называемая «Закон Русский», сформированная по рассмотренным ранее принципам и обычаям славянских народов, и бывшая основным источником светского права до конца XV века. Поэтому ее статьи стали одной из нормативных основ средневековых русских судебныхников XIV—XV вв.: Правосудия митрополичья, Псковской судной грамоты, Судебника великого князя московского Ивана III. Учитывались они также при заключении международных договоров Новгородской республики и Смоленского княжества периода политической раздробленности Руси в XII—XIII вв.⁶⁶.

Применительно к рассматриваемым гражданско-правовым, семейно-правовым и наследственным правоотношениям эти обычаи в период столкновения с византийским правом закреплены следующим образом. К примеру, в отношении имущества Закон Русский говорит о принадлежности имущества лицу, а не роду, причем исследователи подтверждают такую принадлежность тем, что иначе невозможно было распоряжаться им. Также своеобразие Закона Русского проявляется в правовом положении женщин, а именно о раздельной собственности супругов и праве женщин самостоятельно распоряжаться своим имуществом. В частности, законодатель не ограничивал свободу завещания матери, причем ей принадлежит большая свобода в распоряжении своим имуществом, чем отцу. Она может распорядиться им по завещанию так, как сочтет нужным, поскольку на ее часть имущества дети не имели никаких притязаний. При этом она могла разделить или отдать целиком имущество независимо от пола или социального статуса

---

⁶⁶ Свердлов М.Б. Система русского права как основа международных договоров Руси X — первой трети XIII в. // От Древней Руси к новой России: Юбилейный сборник, посвященный чл.-корр. РАН Я.Н. Щапову. М., 2005. С. 109-122.

(это применимо к дочерям). Указание такого наследника (наследников) в завещании было своеобразной платой за сыновнюю или дочернюю заботу о матери.

В последующем, когда византийские нормы прочно вошли в русское наследственное право, мы видим ограничения в воле завещателя по определению судьбы своего имущества. Так, по Судному закону на основе Эклоги и Прохириона завещатель мог разделить имущество поровну между всеми. Однако, по Русской Правде (вобравшей в себя положения Закона Русского) – отец мог разделить имущество как хотел. При наследовании детей действовал принцип: «Сестра при братьях – не наследница» (исключение составляло завещание матери). По своему характеру древнерусское завещание не представляло собой завещание в современном его понимании, как писаная воля завещателя о распределении своего имущества по своему усмотрению кому пожелает. Древнерусское завещание лишь перераспределяло имущество между законными призываемыми наследниками.

Очень интересным является вмешательство византийских норм в регулировании наследственных прав незаконнорождённых детей. По древнерусскому праву и вообще славянским обычаям не делалось никакого различия между детьми. Но по Номоканону – незаконнорожденные дети не признавались равными в правах с законнорожденными, что ущемляет их положение, не допускавшееся в ранние годы.

Возвращаясь к анализу формирования отечественного законодательства в средневековый период, исследователи отмечают договорную природу генезиса законодательства Киевской Руси, ссылаясь на Договоры с Византией Олега (911 г.) и Игоря (944 г.). В связи с чем мы так же обратимся к этим источникам на предмет заимствований иностранных (прежде всего римских или византийских) норм в древнерусское право. Первый из упомянутых договоров (как и в торой) по своему содержанию можно отнести к международным договорам, содержащим отдельные нормы гражданского права (аналогичные тем, которые содержатся в разделе «Международное частное право» ГК РФ).

В частности, нормы этого договора о наследовании касались той категории русских, которые находились на службе императора, т.е. содержание норм отражало реалии византийского права и предназначались для использования на территории империи. Таким образом, исследователи

отмечают, что «нет никаких оснований полагать, что в тексте договора нашел отражение древнерусский порядок наследования»⁶⁷.

Соответственно этот договор не отражает заимствование норм византийского права в древнерусское право, но этот же договор свидетельствует об активном взаимодействии двух государств. А это в свою очередь влекло проникновение норм и принципов византийского права (римского права в византийской оболочке) для дальнейшего применения на российской земле уже как апробированные. Вместе с тем имелись основания для применения норм византийского права и на территории Руси, но отношении граждан Византийской империи, которые желали подчиниться лично и в отношении имущества византийскому закону. Таким образом, еще раз отметим, что на русской земле не было автоматического заимствования греко-римского права, а только необходимое усвоение церковных правил, частичное и свободное (откорректированное) рецепирование некоторых норм светского византийского права.

Это свидетельствует об общем правиле, что «славяно-русы... не могли подчинить себя действию чуждого им греческого права»⁶⁸. Более того, основанные на общинных обычаях, подкрепленные обычаями и традициями семейной общины, обычаи сохраняют самый древний пласт норм родового, брачного и связанного с ними наследственного права.

Получившие в результате рецепции восточного римского права на Руси широкое распространение номоканоны представляли собой своды канонического права Византии. В славянском переводе номоканоны имели хождение на Руси в виде Кормчей книги, которая рассматривала управление делами общества и церкви христианской искусством кораблевождения с использованием Божественного Писания и правил Святых отцов в качестве руля («кормила»).

Однако регулирование правоотношений, выходявших за пределы канонического права, основывалось на традиционных положениях. И только лишь в случаях отсутствия необходимых норм в памятниках русского законодательства, прибегали к нормам византийского права, необходимых для разрешения дел. Этот процесс в месте с тем, имеет положительную роль для адаптации норм византийского права.

⁶⁷ Мельников С.А. Наследственное право Древней Руси // Государство и право. - М.: Наука, 2010, № 5. С. 82.

⁶⁸ Серегин А.В. Эволюция древнеславянского права (эпоха Средневековья: от общинно-вечевых истоков к крепостничеству): монография. М.: Инфра-М, 2018.С. 123.

Анализируя Русскую Правду, С.В. Юшков⁶⁹ категорически отрицает влияние иноземного, в том числе и византийского, права, указывая на то, что своими корнями она уходит в право дофеодального периода. Заимствование норм византийского права, касающихся не только внутрицерковной жизни, но отправления сфер регламентации жизни феодального общества Я.Н. Щапов⁷⁰ относит к периоду с конца XII - начала XIII вв. и в более позднее время, когда общественная жизнь полностью была подчинена христианским принципам.

Вместе с тем, как уже было сказано рецепирование византийского права распространялось лишь на сферу регулирования брачно-семейных отношений и других вопросах, составляющих непосредственную юрисдикцию церкви. В то время как в других сферах, отнесенных к княжеской юрисдикции, заимствование было весьма ограничено - власть предпочитала пользоваться собственными установлениями и нормами обычного права. Тем более, что рецепирование нивелировалось местными обычаями в купе с практической необходимостью.

В более поздний период централизованной и представительной монархии, при формировании Судебников уже не шла речь о заимствовании норм византийского права, а шла речь о компиляции уже откорректированных и активно используемых апробированных на русской земле нормы византийского права. Так, к середине 17 века, когда последовал указ о составлении Соборного Уложения 1649 года, некоторые начала византийского права уже проникли в самую глубь народной жизни, были переработаны в ней, слились с традициями русского общества до такой степени, что не представляли возможности разграничить их⁷¹. Таким образом, если в текст Уложения 1649 года и вошли основы византийского права, то только те, которые уже были усвоены народным сознанием. Соответственно, опять возвращаемся к тому, что заимствование было осуществлено не в виде обычного копирования, а путем строго определенного выбора и дальнейшей переработке.

Рассматривая наследственное право в качестве основного правового института мы основывались на его специфичной роли в реализации заложенных правовых устоев отдельно взятого общества, общины, государства (в частности, славянских государства, народов, этноса). И не ошиблись.

⁶⁹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.

⁷⁰ Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI-XIII вв. М., 1978.

⁷¹ Чемеринская В.В. Влияние Византийского права на древнерусское и российское законодательство X-XVII вв.: опыт сравнительного анализа // Дисс... канд. Юрид. Наук. М. 2003. С. 16.

Переходя к этапу абсолютизма, считаем необходимым отметить мнения некоторых исследователей, что до 1832 года (создания Свода Законов Российской империи) в сфере наследования не существовало стройной взаимосвязанной системы «закон – судебная практика – теория», которую и принято называть право в полном смысле этого слова. Поскольку этот источник представляется значительным, то рассмотрим его на предмет заимствования римского права.

«Согласно официальной точке зрения, Свод Законов включал в себя только специфически русское право.... Однако... в нескольких местах десятого тома Свода Законов отчетливо проявляется влияние зарубежных правопорядков, а вместе с ним и римско-правовой традиции»⁷². Тем не менее и несмотря на такое завуалированное заимствование, открытого применение даже идей римского права в момент составления Свода не было, поскольку в период царствования Николая I активно применялся юридический позитивизм, точное следование букве закона, вплоть до того, что на занятиях в юридических школах заучивались отдельные статьи закона. Ни о какой трактовке и анализе речи не шло. «Лишь судебная реформа 1864 года позволила судьям рассматривать возникающие на практике вопросы с точки зрения научной системы»⁷³.

Плеяда великих русских правоведов, в том числе Д. Мейер и Н. Дювернуа, инициировали процесс рецепции римского права в русском частном праве; многие романисты принимали участие в создании нового кодифицированного проекта; разработанный материал оказался востребованным при создании нового Гражданского кодекса РСФСР 1922 года»⁷⁴. Однако такой краткий исторический экскурс требует небольшого дополнения и уточнения: так, фраза «инициировали процесс рецепции» на наш взгляд все же относится к учебной среде, а не к законотворческой и правоприменительной. Безусловно, эти ученые-правоведы сформировали огромную плеяду учеников, однако их число все же было недостаточным, чтобы полностью заменить юристов «старой школы» юридического позитивизма. Этот процесс был прерван революцией.

⁷² Авенариус М. Римское право в России. Пер. с немецкого Д.Ю. Полдникова. – М.: Academia, 2008. С. 21.

⁷³ Там же. С. 52.

⁷⁴ Там же. С. 110-111.

Соотношение традиции в праве и правовых ценностей как структурных элементов правовой системы: особенности формирования и содержания

Таким образом, сохранение российской правовой культуры и правовой системы как основы для единого государства сегодня напрямую связано с сохранением ценностей и традиций, заложенный в отечественном праве. Традиции отечественного права как части славянской правовой семьи, как правовой системы одного из славянских государств (нужно «подчеркнуть») и особенности формирования и их сохранения мы тезисно рассмотрели ранее. Теперь же рассмотрим вопрос о ценностях в праве поскольку сегодняшнее общество не может существовать вне ценностных политико-правовых установок государства.

Итак, как мы увидели на примере традиций, ценности являются немаловажной составляющей любого социума и напрямую связаны с правом. В частности, О.Г. Данильян, Л.Д. Байрачная, С.И. Максимов⁷⁵ отмечают, что правовые ценности и оценки играют регулятивную роль, правовые нормы же приобретают значение ценностей и становятся объектом оценки.

При этом, если традиции являются синонимом (в полной или меньшей мере) обычаям, как регуляторам, сформировавшимся под воздействием накопленного опыта, то ценности как таковые имеют аморфную природу и выражают убеждения и предпочтения, не основывающиеся на эмпирической основе. Таким образом, представляется, что ценности являются благами, которые воспринимаются эмоционально, что влечет необходимость более трепетно и целенаправленно относиться к вопросам обладания и сохранения этих нематериальных ценностей. Именно в связи с нематериальной характеристикой этого явления их относят к группе духовных ценностей. И в связи со связью ценностей с духовной сферой можно сказать, что они являются регуляторами поведения.

Поскольку правовые ценности основываются на духовной сфере, то и все выработанное этой сферой также будет относиться к правовым ценностям, поскольку формируют право и правопорядок. В частности, к ним относятся материальные предметы и блага, общественные отношения, человеческие поступки, волевые феномены (мотивы, побуждения), идеи, идеалы, цели, социальные институты.

---

⁷⁵ Философия права: учебник / О.Г. Данильян, Л.Д. Байрачная, С.И. Максимов и др. / под ред. О.Г. Данильяна. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 416 с.

Таким образом, можно сказать, что правовые ценности, создаются общественным и правовым сознанием и существуют в виде обобщенных представлений о справедливости, свободе, равенстве в разных общественных сферах.

При этом ценности производны от самой личности, участвующей в процессе формирования и духовных ценностей и правовых традиций. Ведь многие правовые ценности представляются скорее целями и идеалами. Кроме того, личность накладывает и отпечаток временности и значимости этим ценностям. Мы уже определились, что ценности напрямую связаны с личностью тех, кто участвует в их создании или выборе. Однако то, что люди выбирают в качестве ценности, в качестве смысла существования не всегда оказывается чем-то высоким. Тем более, если речь идет о правовых ценностях, которые формируются не только людьми и политическими процессами.

В связи с чем неизбежен процесс пересмотра ценностей. Ведь с изменением общественных и правовых отношений многое из того, что считалось абсолютным и непреложным, обесценивается, и наоборот, новые ростки общественного бытия порождают новые ценностные идеалы. И это тем актуальней именно в современных условиях преобладания технологического уклада в общественных отношениях, когда цифровые технологии занимают преобладающее значение в обеспечении общественных отношений вплоть до замены механизма регулирования.

В настоящее время поднимается вопрос о дальнейшей роли права и правоприменителей.

Рассмотрим тезисно вопрос о генезисе, роли и месте правовых и политических ценностей. Итак, исходя из обозначенной субъектной (человеческой) природы ценностей, они представляют собой направленное влияние социальной группы, класса, партии, а также государства на формирование правовых ориентаций личности, масс. Причем именно юридическая норма оформляет ценности в средство воздействия, поскольку именно право нормализует общественные отношения в организованном сообществе; право выступает как основа его самосозидания в истории, и как форма реализации творчества человека, и как гарантия свободы и ограждения от варварства и несправедливости.

В связи с упорядочивающей силой правовых ценностей вновь возникает вопрос «нужна ли России государственная идеология?» и насколько оправдан категоричный запрет в ст. 13 Конституции Российской Федерации: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной

или обязательной»⁷⁶. Причины появления в Конституции РФ такой нормы лежат на поверхности – отказ от всего советского в том числе и от государственной идеологии. Вместе с тем, ст. 7 Основного Закона РФ смягчает указанный запрет и объясняет его тем, что: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Таким образом, создавая условия для самостоятельного развития личности путем реализации предоставленных социальных и политических прав и свобод. В частности, прописанный запрет на государственную идеологию компенсируется принципом многопартийности, плюрализмом мнений, конкуренцией различных идеологических платформ и программами.

Таким образом и как это подразумевается в демократических режимах, отдельные личности в условиях того же демократического процесса самостоятельно формируют те правовые традиции и те правовые ценности, которые необходимы им в отдельных сообществах и во всем государстве в целом. В настоящее время, условиях технологической революции когда возникает вопрос о месте права и роли правоприменителей в цифровом сообществе, состоящем из отдельных сообществ, размещенных на цифровой платформе, предлагается вообще отойти от государственного регулирования таких сообществ, предоставив машине (цифровому алгоритму) отслеживать неправомерное поведение и применять санкции за него в виде ограничения доступа.

Вполне возможно, что для отдельных сообществ, которые функционируют и получают результат от деятельности именно в Сети (Интернет) такое машинизированное регулирование оправданно. Но как это цифровое регулирование касается перенести в сообщества, отключенные от сети?.. Представляется, что для них все еще сохраняется «аналоговое» регулирование, с «аналоговыми» правовыми ценностями и традициями. И вновь возвращаемся к правовым ценностям.

К фундаментальным ценностям, играющим особую роль в правовой реальности, относится также равенство прав и свобод человека и гражданина, поскольку значимость Основного закона государства состоит именно в ее способности закрепить на высшем законодательном уровне равенство всех граждан перед законом и судом независимо от их происхождения, материального положения, социального статуса и иных факторов.

⁷⁶ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.

Помимо рассмотренных основных правовых ценностей, находящихся своё отражение в Конституции Российской Федерации и других нормативных правовых актах, можно упомянуть и иные, отраслевые, правовые ценности, играющие также огромную роль в праве. Так, например, Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995г. основан на классических семейных ценностях, которые характерны для живущих в России народов. Это запрет однополых и полигамных браков, добровольность брака и признание его при условии регистрации в органах ЗАГС, построение семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, невмешательство в их личную жизнь⁷⁷. Эти ценности не могут и не должны быть отменены⁷⁸.

Там, где государство перестает генерировать некие позитивные и объединяющие общество идеи, вакуум быстро заполняется другим. К примеру, насаждением культа наживы и потребительских псевдоценностей. Отсутствие четко сформулированной государственной идеологии только с первого взгляда может показаться чем-то не столь уж важным. На самом деле речь идет о дезориентации граждан и общества, да и самих представителей власти.

Таким образом, всё более возрастает интерес к аксиологии в целом и к правовой аксиологии, в частности, поскольку именно ценности могут стать средством объединения общества, государства, его граждан, ориентиром и фактором стабильности и динамичного развития страны.

Ценностные установки являются немаловажной составляющей социального бытия, а также его познания. Правовая ценностная установка представляет собой направленное влияние социальной группы, класса, партии, а также государства на формирование правовых ориентаций личности, масс.

Сегодняшнее общество не может существовать вне ценностных политико-правовых установок государства. Принятый закон является уже определённой правовой ценностной установкой. При этом только при истинной демократии ценностные ориентации большинства населения и правовые установки государства совпадают, а закон в свою очередь трансформируется в общеобязательный регулятор общественных отношений.

Итак, как ранее уже было сказано, современные глобализационные процессы отрицательно сказываются на сохранении идентичности

⁷⁷ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ. – 01.01.1996. – № 1. – Ст. 16.

⁷⁸ Павел Крашенинников: Коренная ломка семейного законодательства опасна // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2016/11/30/pavel-krashennikov-korennaiia-lomka-semejnogo-zakonodatelstva-opasna.html> (дата обращения 05.12.2016).

индивида, нации и государства. Западно-европейские государства, изначально формировавшиеся под влиянием единой христианской религии, сейчас разобщены именно из-за разобщенности самого христианства. Как следствие в западно-европейском мире нет того религиозного ядра, благодаря которому сформировалась и существовала около 10 веков Византийская империя (Священная римская империя).

Причем в настоящее время не-западные государства, которые имеют давние религиозные традиции (пусть даже и неофициальную религию, а именно – религиозные традиции, основанные на единой религии) возвращаются к своим корням, даже если местные элиты и получили свой статус при помощи Запада. Однако они осознанно отказываются от западно-европейских ценностей, возвращаясь к традиционным для своей цивилизации религиозным, этическим, правовым институтам.

Отдельные подходы к периодизации становления отечественной правовой системы

Особое значение для понимания процесса развития отечественной правовой системы является периодизация этого процесса, который напрямую связан с политическими процессами, которые в том числе можно охарактеризовать по принимаемым нормативно-правовым актам. Так, на основе последнего аспекта выделяют т.н. «позитивистский» подход к периодизации: в качестве опорных точек рассматриваются акты с помощью которых происходило регулирование правоотношений.

Так прежде всего это Русская Правда эпохи Ярослава Мудрого;

- Судебник Ивана III (1497 г.);
- Судебник Ивана Грозного (1550 г.);
- Соборное Уложение царя Алексея Михайловича (1649 г.);
- Полное собрание законов Российской империи (1830 г.).

Помимо этой периодизации, разделяющей эпохи различного уровня в законотворчестве и правового регулирования, также используется подход к периодизации, основанный на периодизации российского государства: древнерусский, московский и имперский. Так, В.Н. Синюков указывает, что «российская правовая система прошла те же этапы, что и российская государственность»:

- а) IX-XIII вв. – период становления российской правовой системы, соответствующей древнерусскому земскому государству;
- б) XIV-XVII вв. – правовая система Московского государства;
- в) XVIII-XX вв. – становление и развитие правовой системы Российской империи.

Однако и эта периодизация использует позитивистский подход, который тем не менее имеет недостатки, заключающиеся в исследовании только лишь истории государственности, но не общества в целом.

В частности, Т.В. Кашанина, основываясь на цивилизационном подходе, указывает на взлеты и падения в истории России; прерывность развития страны, а иногда и «поворот вспять». Хотя имеются и мнения, в которых «поворота вспять» не было, а было лишь возвращение к какому-либо исходному уровню эволюции, сочетание прогресса и регресса.

Поскольку формирование законодательства и развитие государственности также имеют ограничения, отдельные авторы предлагают использовать нечто более широкое, а именно – социальную эволюцию⁷⁹, проявляемую в типе власти: традиционный тип власти (X-XVII вв.) и переход к легальному типу власти (XVIII-XX вв.).

Причем для первого периода – период традиционного типа власти – характерно подразделение на ряд более мелких периодов с учетом влияния со стороны западных государств и восточных деспотий, при этом сохранив уникальность и самостоятельность в дальнейшем развитии. Так, для этого периода характерно, что «прочно сохранились древние пласты социального права, правовые нормы, представления и отношения, соответствующие традиционному типу власти и общества. Обычное право восточных славян являлось той основой, на которой происходил процесс смешения и взаимодействия различных правовых систем... Реализация права... происходила в форме соблюдения и исполнения тех правовых норм и обычаев, которые вырабатывались в процессе жизнедеятельности...

Основы российской национальной правовой системы сформировались в имперский период, что в целом соответствует времени возникновения континентальной правовой системы. [Так] требования к составлению и принятию законов отвечали тем стандартам, которые существовали в Западной Европе. Но по содержанию объективное право в этот период еще далеко до западных образцов. Во второй половине XIX в. в России начинает формироваться научная правовая доктрина благодаря усилиям

⁷⁹ Гладких В.М. Проблема периодизации развития правовой системы России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 13. № 36. С. 28.

выдающихся ученых-юристов»⁸⁰. Вместе с тем, в правовой системе России продолжает сохраняться несколько сословных подсистем, что влекло неоднородность в правосознании.

И только лишь советская правовая система закрепила единый подход к правовому регулированию, исключив подсистемы и выработав однородность в правосознании граждан.

Также основные этапы развития отечественной правовой системы можно проследить в генезисе основных функций права, применительно к активизации технологических процессов, к механизации процесса правоотношений и т.д. Так, основными функциями, т.е., направления действиями права являются: регулятивная; интегративная; социальной мобильности; предупреждение, урегулирование и разрешение многообразных проблем, противоречий и конфликтов между людьми; обеспечение устойчивости социального статуса и ролей индивидов и социальных групп в обществе. Эти функции представляют собой действие социальных институтов общества. При этом существует и другой блок функций, отражающих специализированные направления действия права: функции нормотворчества, правоисполнения.

Итак, развитие отечественной правовой системы на примере регулятивной функции проявлялась в следующем. Как следует из теории права, регулятивная функция правовой системы связана с координацией деятельности членов общества. Так, именно регулятивная функция права особенно важна при решении споров при установлении сложных правоотношений между сторонами. Тонкость понимания видов правоотношений позволяет выявить те правовые нормы, которые являются основными при решении сложных жизненных вопросов. В связи с чем, рыночные отношения влекут появление новых отношений, требующих новую базу регулирования, а также – новые принципы регулирования. В связи с чем, к примеру, законодатели 90-х годов при формировании нового гражданского законодательства прежде всего сформулировали принципы частно-правовых отношений: свобода договора, автономия воли сторон, имущественная самостоятельность и т.д. В условиях закрепления информационного общества и механизации отношений принципы регулирования переносятся в отдельные сообщества, основывается на саморегулировании отношений и закрепляется путем алгоритмов, а не государственных законов.

---

⁸⁰ Там же. С. 28.

Таким образом, регулятивная функция, как наиболее приоритетная среди общих функций для права как системы социальных институтов, может утратить свое предназначение как государственный регулятор.

Следующая функция – интегративная – направлена на социальную консолидацию индивидов и социальных групп. Так, избирательное право направлено, в частности, на социальную консолидацию индивидов в решении политических проблем, в выдвижении и избрании кандидатов во все органы власти. Обеспечивая прямые, тайные, равноправные выборы, определяя порядок проведения выборов, законодатель⁸¹ обеспечивает единство реализации избирательного права для всех граждан России.

Однако существуют и деструктивные процессы, которые не позволяют обществу развиваться последовательно и предсказуемо: национализм и экстремизм в политических действиях отдельных сообществ; правовое бессилие государства в защите людей при нарушении их прав отдельными сообществами, которые воспользовались неурегулированностью отношений и другие случаи правового бессилия государства, вызванного пробелами в законодательстве.

Надвигающийся всеобщий технологический уклад, с одной стороны, исключит государственное регулирование, а с другой – предоставит самим сообществам обеспечивать саморегулирование. Представляется, что подобные механизмы не позволят сообществам взаимодействовать друг с другом и приведет к исключению интегративной функции права.

В связи с дважды упомянутым технологическим процессом необходимо обратить внимание на такую функцию как функция обеспечения устойчивости социального статуса и ролей индивидов и социальных групп в обществе позволяет обществу не разрушаться даже в период перемен. Особенно это важно в условиях реформ. Важно не только сохранить правовой статус привычных для общества категорий лиц, но и обеспечить новый стабильный социальный статус новым категориям лиц, которые в условиях рыночных отношений появились впервые, например, предприниматели, избираемые должностные лица.

Развитие этой функции правовой системы России является социально позитивным. Принятые Государственной Думой РФ законы позволяют существовать разным слоям общества, имея четкий правовой и социальный статус.

---

⁸¹ Федеральный закон от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс; Федеральный закон от 26 ноября 1996 г. № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» // СПС Консультант Плюс.

Кроме того, в настоящее время появляются квазисубъекты права, активно существующие в Интернет среде. В связи с чем и по аналогии с закреплением правового статуса отдельных людей и социальных групп в обществе, регламентированием их полномочий, льгот и привилегий предлагается закреплять правовой статус возникающим квазисубъектам, в том числе и роботам.

Функция предупреждения, урегулирования и разрешения многообразных проблем, противоречий и конфликтов между людьми реализуется прежде всего такими структурными элементами правовой системы, как суды и надзорные органы. В связи с чем подвержена постоянным изменениям, поскольку изменяются: направления правоприменения, полномочия правоприменителей, изменение состава правоохранительных органов и т.д.

Поскольку данная функция прежде всего направлена на реализацию санкционных механизмов, то представляется, что она реализуется только в отношении людей и применительно к квазисубъектам, Интернет-отношениям и пр. не применима.

Также не применима к машинизированным отношениям и функция социальной мобильности, которая изначально представляет собой адаптацию различных социальных групп в условиях трансформирующегося общества. Этот процесс наблюдается во всех типах стратификационных систем, в частности, таких как социально-правовая, классовая, культурно-символическая, культурно-нормативная⁸². Ведь реализация данной функции направлена на создание особых условий, позволяющих личностям приобретать и реализовывать свои права, что повлечет социальный подъем в обществе. Таким образом действия государства направлены на отдельные личности, а не сообщества.

К примеру, благодаря процессам социальной мобильности возникла новая страта – предпринимателей⁸³, а право в свою очередь, создало условия для получения соответствующего уровня образования и соответствующей квалификации, право создало условия для свободы экономической деятельности, для реализации политических прав граждан и пр. Все это способствует повышению уровня социальной мобильности и, как следствие, постепенному изменению самих страт российского общества, появлению среднего класса и его укреплению⁸⁴. Развиваясь и способствуя новым

⁸² Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. – М. – 1996. – С. 50–51.

⁸³ Безгодков А. В. Современные российские предприниматели как социально-политическая общность: Автореф дис. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. – СПб.: СПбГУ, 1999. – С. 10–14.

⁸⁴ Социальное расслоение и социальная мобильность / З. Т. Голенкова, В. В. Витюк, А. И. Черных и др.; Отв. ред. З. Т. Голенкова; РАН, Ин-т социологии. – М.: Наука, 1999. – С. 100–167.

реформам в России, право позволяет обеспечивать легализацию экономической инициативы граждан, способствует увеличению доходов через создание гибкой системы их получения.

Но это пример социальной мобильности в связи с изменением экономических субъектов. Однако, в условиях четвертой промышленной революции изменяется не столько промышленность, сколько механизмы взаимодействия: потребители не ищут посредников (роль которых чаще всего и выполняли предприниматели), а напрямую взаимодействуют с производителем.

Однако основная задача реформирования как технологий, так и права – человек, в связи с чем, реформы в России призваны прежде всего обеспечить развитие личности, повышение статуса гражданина, направлены на развитие человека. Они должны проводиться не ради какой-то модной идеи (Интернет-технологии), а ради личности. Поэтому для социально-правовых институтов важным социальным индикатором реформирования должен стать реальный человек, реформы осуществляются ради человека, а не за счет человека.

Заключение

Монография «Национальная правовая система: теоретико-методологические исследования» разработана на основе результатов научных исследований авторов.

Результаты выполненных исследований показали актуальность и своевременность для общества рассматриваемых вопросов в области правотворческой и правоприменительной деятельности.

В целом, работа отражает научные взгляды на современное состояние правовой деятельности. Она представляет интерес как для специалистов в области проведения научных исследований, так и специалистов-практиков.

Библиографический список

1. Авенариус М. Римское право в России. Пер. с немецкого Д.Ю. Полдникова. – М.: Academia, 2008. – 160 с
2. Александров А.С. Система принципов уголовного процесса // Уголовный процесс России: Учебник / Науч. ред. В.Т. Томин. – Юрайт-Издат, 2003. С. 83.
3. Александров А.С. Забыть Фойницкого? // Стратегии уголовного судопроизводства / Сб. материалов научной конференции к 160 годовщине со дня рождения И.Я. Фойницкого. – М.: РАП, 2008. С. 23.
4. Алексеев С.С. Философия права. М., 1998.
5. Батлер У.Э. Россия и юридическая карта мира // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 5. С.73-90.
6. Безгодов А. В. Современные российские предприниматели как социально-политическая общность: Автореф дис. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. – СПб.: СПбГУ, 1999. – С. 10–14.
7. Бирюкова И.А. К вопросу о понятии принципов уголовного процесса // Современные проблемы уголовно-процессуального доказывания: Сборник научных статей. Волгоград. 2000. С. 163.
8. Бирюкова И.А., Кругликов А.П. Роль прокурора в реализации принципа публичности в уголовном процессе России // Российская юстиция. 2014. № 10 С. 34-37.
9. Божьев В.П. Конституционные принципы уголовного процесса // Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Спарк, 2002. С. 71.
10. Величко А.М. Византийская «симфония». М.: Вече, 2013. – 388 с. С.5.
11. Вернер Бойльке. Уголовно-процессуальное право ФРГ: Учебник. 6-е изд., с доп. и изм. Пер. с нем. Я.М. Плошкиной; под ред. Л.В. Майоровой. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004. С. 11, 35.
12. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1997. С. 11-58 (переиздание 1912 года).
13. Гладких В.М. Проблема периодизации развития правовой системы России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 13. № 36. С. 28.
14. Демидов И.Ф. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. С. 137.
15. Дикарев И.С. Принцип повышенной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних // Российская юстиция. 2007. № 5. С.37-39.

16. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики). М., 1971. С.11.
17. Додонов В.Н., Кругских В.Е. Прокуратура в России и за рубежом. Сравнительное правоведение / Под ред. С.И. Герасимова. М.: Издательство НОРМА, 2001. С. 24.
18. Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в Древней России. С. 320
19. Кругликов А.П. Роль прокурора в уголовном судопроизводстве // Законность. 2008. № 8. С. 25-29.
20. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.
21. Кругликов А.П., Бирюкова И.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего как принцип уголовного судопроизводства // Уголовный процесс. 2008. №. 4. С. 63-64.
22. Кругликов А.П., Дикарев И.С., Бирюкова И.А. Принципы уголовного процесса Российской Федерации: учеб пособие; под ред. проф. А.П. Кругликова. – Изд-во ВолГУ, 2007.
23. Масленникова Л.Н. УПК РФ и перспективы развития уголовного судопроизводства в России // LEX RUSSICA. Научные труды Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина. 2010. № 3. С. 551-567.
24. Мельников С.А. Наследственное право Древней Руси // Государство и право. - М.: Наука, 2010, № 5. - С. 81-89
25. Мерило праведное (конец XIII – XIV вв.). [Электронный ресурс]. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=1&monuscript=208> (дата обращения: 07.04. 2019 г.).
26. Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. С. 119.
27. Николитч Д. Сравнительная история права славянских народов (юридико-историческое эссе) // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2017. Т. 4. № 4 (14). С. 68-69.
28. Оборотов Ю.Н. Традиции и обновление в правовой сфере: вопросы теории. Одесса, 2002.
29. Определенія владимирскаго собора изложенныя въ грамотѣ митрополита Кирилла II 1274 г. // Памятники древне-русскаго каноническаго права. Часть первая. (Памятники XI – XV в.) / Русская историческая библиотечка издаваемая Археографическою комиссіею. Томъ шестой. – Санктпетербургъ: Типографія Императорской академіи наукъ, 1880. – С. 83 – 102.

30. Павел Крашенинников: Коренная ломка семейного законодательства опасна // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2016/11/30/pavel-krasheninnikov-korennaiia-lomka-semejnogo-zakonodatelstva-opasna.html> (дата обращения 05.12.2016).
31. Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Часть 1. М.: ТК Велби, 2004. С. 72.
32. Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. – М. – 1996. – С. 50–51.
33. Романов С.В. Принципы уголовного процесса // Курс уголовного процесса / Под ред. д, ю, н., проф. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2016. С. 268.
34. Российская газета. 2007. 8 июня.
35. Российская газета. 2010. 30 декабря.
36. Савицкий В. М. Что есть принцип? // Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России: Лекции-очерки / Под ред. проф. В.М. Савицкого. М., 1997. С. 1-14.
37. Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. Изд-во «Наука». М, 1975.. С. 195.
38. Свердлов М.Б. Система русского права как основа международных договоров Руси X — первой трети XIII в. // От Древней Руси к новой России: Юбилейный сборник, посвященный чл.-корр. РАН Я.Н. Щапову. М., 2005. С. 109-122.
39. Свод Основных государственных законов Российской Империи 1906 г. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Основные_Законы_Российской_Империи/Часть_первая#Раздел_первый._Основные_Государственные_Законы. (дата обращения: 07.04.2019 г.).
40. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ. – 01.01.1996. – № 1. – Ст. 16.
41. Серегин А.В. Демократическая диктатура и самодержавное народоправство: сравнительно-правовое исследование государственных моделей управления: монография / А.В. Серегин. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 208 с.
42. Серегин А.В. Державное наследие Древней Руси. М.: Юрлитинформ, 2017. - 342 с.
43. Серегин А.В. Новый взгляд на структуру древнеславянской системы права // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2015. № 3 (5). С. 30-31.

44. Серегин А.В. Цивилизационный феномен средневекового многообразия форм славянских государств: монография / А.В. Серегин. – М.: «Юрлитинформ», 2017. – 408 с.
45. Серегин А.В. Эволюция древнеславянского права (эпоха Средневековья: от общинно-вечевых истоков к крепостничеству): монография. М.: Инфра-М, 2018. 324 с
46. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. Издание четвертое, исправленное и дополненное. СПб., 1913. С. 48-82.
47. Словарь иностранных слов. 19-е изд., стер. М., 1990. С.409.
48. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Принципы состязательного уголовного процесса // Уголовный процесс: Учебник для вузов. / Под общей редакцией А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2004. С. 73.
49. Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XV веков. В девяти томах. Т. 3. Акты Земских соборов. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 83 – 258.
50. Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. – Т. 6. – Вып. 1 / Подг. Текста С.Н. Кистерева И Л.А. Тимошиной, предисл. Б. М. Клосса. – М.: ЯРК. – 2001. – 240 с.
51. Социальное расслоение и социальная мобильность / З. Т. Голенкова, В. В. Витюк, А. И. Черных и др.; Отв. ред. З. Т. Голенкова; РАН, Ин-т социологии. – М.: Наука, 1999. – С. 100–167
52. Спекторский Е. В. Христианство и культура. М., 2013.
53. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса Том 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. Изд-во «Наука». М. 1968. С. 124.
54. Томин В.Т. О понятии принципов советского уголовного процесса // Труды высшей школы МООП РСФСР. Вып. 12. М., 1965. С. 193-195.
55. Томин В.Т. О принципах советского уголовного процесса // Научные труды Омской высшей школы милиции МВД СССР. Вып. 7. Омск, 1970. С. 158-159.
56. Ульянова Л.Т. Понятие принципа уголовного процессе // Курс уголовного процесса / Под ред. д. ю. н. проф. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2016. С. 261-262. Всего -1278 с.
57. Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных // Российское законодательство X – XV веков. В девяти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси. – М.: Юрид. лит., 1984. – С. 139 - 140.
58. Федеральный закон от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

59. Федеральный закон от 26 ноября 1996 г. № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» // СПС Консультант Плюс.

60. Философия права: учебник / О.Г. Данильян, Л.Д. Байрачная, С.И. Максимов и др. / под ред. О.Г. Данильяна. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 416 с.

61. Чемеринская В.В. Влияние Византийского права на древнерусское и российское законодательство X-XVII вв.: опыт сравнительного анализа // Дисс... канд. Юрид. Наук. М. 2003. 186 с.

62. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти: монография. М.: Норма ИНФРА-М, 2013. С. 95.

63. Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI-XIII вв. М., 1978.

64. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.

65. https://78.ru/news/2019-04-02/posle_vzriva_v_akademii_mozhaiskogo_voennaya_prokuratura_provodit_proverku?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.

Сведения об авторах

Ахрамеева Ольга Владимировна

кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского права и процесса,
Юридический институт, Северо-Кавказ-
ский федеральный университет

Бирюкова Ирина Анатольевна

прокурор кассационного отдела уголовно-
судебного управления прокуратуры Волго-
градской области

Кругликов Анатолий Петрович

профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики Волгоградского госу-
дарственного университета, кандидат
юридических наук, профессор, почетный
работник высшего профессионального
образования РФ

Электронное научное издание
сетевого распространения

Национальная правовая система: теоретико-
методологические исследования

монография

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к
сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISBN 978-5-907072-72-5

9 785907 072725

Усл. печ. л. 2.7.

Объем издания 2,9 МВ

Оформление электронного издания: НОО
Профессиональная наука, mail@scipro.ru

Дата размещения: 20.04.2019 г.

URL: <http://scipro.ru/conf/monographlaw2.pdf>.